

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Окончание. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015,
2'2015, 3'2015, 4'2015, 1'2016, 2'2016)

Высший
человеческий закон
не может быть
заимствован
у животности

9 августа 1877 г. Возрастающее торжество дарвинизма, то есть материализма, или грубой силы, угрожает понятию справедливости. Но придет и ее черед. Высший человеческий закон не может быть заимствован у животности. А справедливость есть право в высшей степени индивидуальной независимости, совместимое с такой же свободой для других; другими словами, это уважение к человеку, к меньшему, к слабому, к ничтожному, это гарантия человеческих совокупностей, ассоциаций, государств, национальностей, союзов непосредственных или сознательных, которые могут увеличить сумму блага и удовлетворить желанию личных существований.

Право сильного
не есть право,
но простой факт...
покуда не встречает
протеста

Эксплуатация одних другими нарушает справедливость. Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правым, только покуда не встречает протеста и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага.

Вся человеческая
промышленность
есть освобождение
из-под власти грубой
природы

Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы, прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вожделениями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же закон, возрастающее освобождение личности, восхождение всего существа к жизни, к благу, к спра-

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

ведливости, к мудрости. Алчная жадность есть точка отправления; разумное великодушие есть точка достижения.

Мы много говорим о любви, прежде чем познаём ее...

6 ноября 1877 г. Мы много говорим о любви, прежде чем познаём ее, и мы думаем, что мы знаем ее, если повторяем о ней то, что говорят о ней люди, или то, что рассказывают о ней в книгах. Таким образом, есть незнание нескольких степеней и степени призрачного знания. От этого-то и скука общества, что в нем происходят эти вечные турниры с горячими и неистощимыми разговорами, которые имеют вид, что знают вещи, потому что говорят о них, имеют вид, что верят, любят, думают, ищут, тогда как все это есть только подобие и болтовня. Хуже же всего в этом то, что, когда болтовня эта вызывается самолюбием, эти незнания обыкновенно делаются отчаянными в своих утверждениях; лепетание принимается за мнение, предрассудки выдаются за принципы. Попугаи считают себя мыслящими существами, подражание выдается за оригиналы и вежливость требует допущения этих условностей. Это несносно.

Язык есть орудие бессознательного обмана, и это зло преувеличивается всеобщим образованием

Язык есть орудие этого смешения и бессознательного обмана, и это зло чудовищно преувеличивается всеобщим образованием, периодической прессой и всеми теперь изобретенными средствами распространения знаний. У всех в обращении кучи ассигнаций, и немногие дотрагивались до золота. Все живут символами и даже символами символов, и никто никогда не держал в руках и не проверял самих вещей. Судят обо всем и ничего не знают.

Истинное я у большинства облечено чуждою и заимствованной атмосферой

Как мало существ оригинальных, индивидуальных, искренних, которых стоит труда послушать! Истинное я у большинства облечено чуждою и заимствованной атмосферой. Как мало таких, которые представляли бы что-нибудь, кроме известных склонностей, — кроме животных, только языком и своими двумя ногами напоминающих о своей высшей природе.

Огромное большинство нашей расы представляет только кандидатуру на человечество

Огромное большинство нашей расы представляет только кандидатуру на человечество, не более. Мы имеем возможность быть людьми, мы можем быть ими, мы должны бы быть ими, но мы не осуществляем тип нашей расы. Подобия людей, подделки под людей наполняют обитаемую землю, населяют острова и континенты, деревни и города. Чтобы уважать людей, надо забывать про то, что они такое, и думать об идеале, который они носят скрытым в себе, думать о человеке справедливым и благородным, умным и добрым, вдохновен-

ном и творце, честном и правдивом, верном и надежном, словом, о человеке высшем, о божественном образце, который мы называем душой. Единственные люди, которые заслуживают носить это имя, это герои, гении, святые, существа гармоничные, могущественные и совершенные.

Мало лиц, заслуживающих внимания, с сострадательным любопытством и смиренной проникательностью

Мало лиц, заслуживающих внимания, с сострадательным любопытством и смиренной проникательностью. Ведь все мы – потерпевшие крушение, приговоренные больные, остальные же должны быть наблюдаемы.

Пусть каждый трудится над своим совершенствованием и осуждает только самого себя

Пусть каждый трудится над своим совершенствованием и осуждает только самого себя; так будет лучше для всех. Какое бы нетерпение ни вызывал в нас наш ближний, какое бы негодование ни внушала нам наша порода, мы сцеплены вместе и товарищи по каторге; мы только все теряем, если будем взаимно упрекать и осуждать друг друга. Будем молчать, будем помогать, будем терпеть, будем даже любить друг друга. Если не можем быть нужны, то будем хоть сострадательны. Оставим бич сатиры, раскаленное железо гнева, лучше масло и вино милосердного самарянина. Можно извлечь презрение из идеала; но не лучше ли извлекать из него доброту?

Веселость есть прорыв и бодрость

Кто отдает справедливость веселости? Те, кто не печален? Они именно знают, что веселость есть порыв и бодрость, что обыкновенно она есть скрытая доброта и что даже если бы она была делом только темперамента и расположения духа, она все-таки благо.

Я должен погибнуть... нельзя ничего предпринять

26 июля 1878 г. Каждое утро я пробуждаюсь с одним и тем же чувством напрасной борьбы против прилива, который [способен] поглотить меня. Я должен погибнуть от задушения, и оно уже началось.

Нельзя ничего предпринять, когда каждый день приводит к какой-нибудь новой неприятности. Нельзя даже решиться на что-нибудь в смутном и неопределенном положении, где предвидишь худшее, но где все сомнительно. Предстоит ли тебе еще несколько лет или только несколько месяцев? Будет ли смерть медленная или ускоренная катастрофа? Как я буду переносить дни и чем я их наполню? Как кончить со спокойствием и достоинством? Не знаю. Я дурно делаю все то, что я делаю в первый раз; здесь же все ново; ничего не испытано; кончаешь как попало.

Какая обида... хотелось бы побеседовать с добрым советчиком

Какая обида для того, кто слишком любил независимость; зависишь от тысячи случайностей. Не знаешь того, что будешь делать, того, что из тебя станет. Хотелось бы побеседовать об этих вещах с другим здравомыс-

лящим и добрым советчиком, но с кем? Не решаешься тревожить привязанностей, наиболее преданных, и Наверное знаешь, что другие умудряются смутить тебя и не войдут в истинное положение.

И в ожидании (в ожидании чего? здоровья? достоверности?) недели текут как вода, сила расходуется, как дымящая свеча.

Имеешь ли ты право идти к смерти, не сопротивляясь ей?

Имеешь ли ты право идти к смерти, не сопротивляясь ей? Самосохранение составляет ли обязанность человека? Обязаны ли мы для тех, которые любят нас, продолжать наивозможно больше эту безнадежную борьбу? Мне кажется, что да, но это опять стеснение. Нужно тогда притворяться, что имеешь надежду, которой не имеешь, скрыть то совершенное отчаяние, которое испытываешь. И почему нет? Будет великодушно со стороны тех, которые умирают, не уменьшать пыла тех, которые сражаются или которые радуются.

Размышление парализует меня, физиология осуждает меня

Два параллельных пути ведут к одному и тому же результату; размышление парализует меня, физиология осуждает меня. Душа умирает, тело тоже. Так или иначе я прихожу к концу. Оставаясь один с собою, я извожу себя грустью, и медицина мне говорит также: ты не пойдешь дальше. Оба эти приговора означают одно и то же, что у меня нет более будущего. Это кажется нелепостью моему неверию, которое хотело бы видеть в этом только дурной сон. Сколько бы ум ни говорил, что это так, нет внутреннего согласия. Еще противоречие! У меня нет силы надеяться, и я не имею силы безропотно покориться. Я не верю и все-таки еще верю. Я чувствую, что кончаюсь, и не могу вообразить себе, что это так. Уже не безумие ли это? Но нет, это только человеческая природа в своем проявлении. Противоречие в самой жизни, потому что она есть беспрестанная смерть и ежедневное воскресение, потому что она утверждает и отрицает, разрушает и созидает, собирает и рассеивает, унижает и возвышает в одно и то же время. Жить – это значит умирать постоянно, это значит пребывать в этом вихре двух противоположных направлений, это значит быть загадкой.

Века кажутся занятыми созданием теней, душ умерших

Если не видимый еще тип, намечаемый этим двойным течением в противоположных направлениях, если эта форма, на основании которой совершается твоя метаморфоза, сама имеет в себе свое самобытное значение, что толку, что она продолжит свою игру на несколько оборотов Луны или Солнца больше! Она сделала то, что она должна была сделать, она представила известную, единственную комбинацию, представила особен-

ное выражение рода. Эти типы суть тени, души умерших. Века кажутся занятыми их созданием. Слава есть доказательство того, что один тип явился для других типов более новым, более редким, более прекрасным, чем другие. Люди обыкновенные также души; но они имеют значение только для Создателя и для совсем маленького числа личностей.

Сознавать свою брэнность – хорошо, но надо быть к ней равнодушным

Сознавать свою брэнность – хорошо, но быть к ней равнодушным – это высший взгляд.

Жалеть самого себя – значит придавать себе значение

Знать меру немощи полезно; но понимать смысл своей жизни еще полезнее. Жалеть самого себя есть также тщеславие; должно сожалеть только о том, что стоит того, а жалеть самого себя – это значит бессознательно придавать себе значение. Это значит в то же время не признавать своего истинного значения. Нет необходимости жить, но нужно не портить своего типа, оставаться верным своему идеалу, охранять свою монаду от изменения и извращения.

Есть люди, которые убивают истину истинами

7 ноября 1878 г. Есть люди, которые убивают истину истинами. Самое обычное явление нашего педантизма точности состоит в том, дабы разбить в порошок статую для того, чтобы подробнее рассмотреть ее. Я называю ложными умами те, которые видят только часть предмета, так же как и те, которые уродуют эти части. Видеть вещи и людей такими, какими они есть, видеть то, чем они могли бы быть, и то, чем они должны быть, – в этом состоит дело хорошего критика, соединяющего в одно эти три способности.

Понимать вещи – значит побывать в них

Понимать вещи – значит побывать в них и потом выйти из них, нужно, стало быть, пленение и потом освобождение, – очарование и разочарование, увлечение и охлаждение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, который не был очарован, – одинаково некомпетентны. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать – надо быть свободным, но прежде этого быть плененным. Это справедливо относительно любви и искусства, и религии, и патриотизма. Любовь есть первое условие критики, разум и справедливость предполагают вначале чувство.

Философскому уму противно загромождать себя фактами

13 января 1879 г. Никак не могу вспомнить, какие я вчера писал письма. Ночь вырывает пропасть между мной вчерашним и мной сегодняшним. Моя жизнь без единства действия, потому что я не помню того, что

делаю. Вероятно, моя мыслящая сила, расходуясь на овладение собой в форме сознания, пропускает все то, что заполняет обыкновенно мысли, как ледник отбрасывает камни и обломки, упавшие в его трещины, чтобы остаться чистым кристаллом. Философскому уму противно загромождать себя фактами и ничтожными воспоминаниями. Мысль цепляется только за мысль, то есть за себя, за душевное движение. Обогащать свой опыт есть единственное его стремление. Внутреннее изучение игры своих способностей делает его удовольствием и даже его склонностью и привычкой. Размышление есть только аппарат, записывающий впечатления, эмоции, идеи, которые проходят в уме.

Все это очень хорошо, но очень опасно.

Пока находишься в числе живых, нужно соглашаться быть личностью

Пока находишься в числе живых, то есть погружен в среду людей, интересов, борьбу тщеславия, страстей, а также обязанностей, нужно отказаться от этого утонченного состояния, нужно соглашаться быть определенной личностью, имея свое имя, свое положение, свой возраст, свою сферу деятельности. Как ни соблазнительно безличие, нужно все-таки возвратиться к состоянию существа, заключенного во временные и пространственные условия, к состоянию личности, которая имеет свое окружение, своих друзей, врагов, профессию, отечество, которая должна иметь помещение, кормиться, вести свои счета, заботиться о своих делах; одним словом, нужно поступать, как всякий встречный. Есть дни, когда все эти подробности кажутся мне сном, когда я удивляюсь пюпитру, который под моей рукой, своему собственному телу, когда я спрашиваю себя, есть ли улица перед моим домом и реальна ли вся эта географическая и топографическая фантазмагория. Время и пространство сводятся тогда к простым точкам. Я присутствую тогда при моем существовании в области чистого духа. Я вижу себя *sub specie aeternitatis*.

Из человеческой личности выделяется иногда божественная искра

И потому ум может произвести в себе опыт бесконечного; из человеческой личности выделяется иногда божественная искра, которая позволяет ему проникнуть в существо-источник, существо-основу, существо-начало, в котором находится все, как ряд в своей производящей формуле. Мир есть только изливание лучей духа; изливание лучей божеского Духа более чем правдоподобие для нас – они имеют реальность параллельную нашей.

Идеал есть предварение божеского порядка умом

Идеал есть предварение божеского порядка умом. Ум способен к идеалу, потому что он ум, то есть потому, что он проникает в вечное. Действительное, напротив, есть откры-

вок, есть преходящее. Только закон вечен. Идеал, таким образом, есть неразрушимая надежда на лучшее, невольный протест против настоящего, фермент будущего. Он то, что сверхъестественно в нас или, скорее, сверхживотно; он причина способности человека к совершенствованию.

Тот, кто не имеет идеала, довольствуется тем, что есть

Тот, кто не имеет идеала, довольствуется тем, что есть, он не спорит с фактом, который становится для него тождественным с справедливостью, с благом, с красотой. Но почему божеское излияние лучей несовершенно? Потому что оно еще продолжается. Наша планета, например, находится в середине своих опытов. Флора, фауна продолжают преобразовываться. Эволюция человечества более близка к своему началу, чем к своему окончанию. Совершенная спиритуализация животности кажется особенно трудной, и это есть дело нашей породы. Наперекор этому идут заблуждения, зло, эгоизм, смерть, не считая теллурических переворотов.

Устройство благосостояния, знания, нравственности только начато

Устройство благосостояния, знания, нравственности, справедливости для всех начато, но только начато. Тысяча задерживающих и извращающих причин нарушает эту гигантскую работу, в которой участвуют нации, породы, континенты. В настоящее время человечество не составляет еще физической единицы, его воспитание как целого еще впереди. Все опыты порядка были только местные кристаллизации, зачатки мгновенной организации. А теперь начинают приближаться осуществления (единство почт и телеграфов; всемирные выставки; путешествия вокруг планеты; международные конгрессы и т. д.).

Наука и взаимные интересы связывают фракции человечества

Наука и взаимные интересы связывают большие фракции человечества, разделяемые языками и верою. Такой год, когда проектируют сеть африканских железных дорог, идущих от берегов до центра, соединяющих сухим путем Атлантический океан, Средиземное море и Индийский океан, – такой год лучше всего характеризует новую эру. Фантастическое сделалось постижимым. Возможное стремится сделаться реальным. Планета делается садом человека. Человек имеет главной задачей сделать возможным сожитие людей между собой, то есть найти равновесие, право, порядок нового времени. Разделение труда позволяет ему искать всего сразу: промышленность, наука, искусство, право, воспитание, нравственность, религия, политика, экономические отношения – все рождается.

Доброта ставит экран на слишком острые лучи проницательности

19 января 1879 г. Доброта произвольно ограничивает остроту ума; доброта ставит экран на слишком острые лучи проницательности; она-то именно отказывается освещать безобразие и нищету интеллектуального

госпиталя. Доброта боится признать свое преимущество, она предпочитает быть смиренной и милосердной; она старается не видеть того, что режет ей глаза, то есть несовершенства, калечества, уклонения. Ее сострадание принимает вид одобрения. Она побеждает свои отвращения, чтобы ободрять и возвышать.

Ум аристократичен, доброта демократична

Ум аристократичен, доброта демократична. В демократии равенство самолюбий при неравенстве заслуг создало на практике огромное затруднение. Одни выпутываются из него, обуздывая благоразумием свою откровенность, другие – поправляя свою пронизательность кротостью. Кажется, что добродушие надежнее осторожности. Оно не оскорбляет и ничего не убивает.

Надо уметь быть обманутым: это жертва, которую должны принести ум и самолюбие совести

Доброта великодушна; она охотно рискует и, несмотря на сотню опытов, не предполагает зла. Нельзя быть в одно и то же время добрым и осторожным, нельзя служить двум господам – своему эгоизму и любви. Надо уметь быть обманутым. Это та жертва, которую должны принести ум и самолюбие совести.

Религия должна быть задушевым чувством сознания

Кажется, Фенелон сказал: прекрасные души одни только понимают величие доброты.

21 января 1879 г. Религия занимает сначала место науки и философии; потом же она должна удерживать только свое место, то есть быть задушевым чувством сознания, тайной жизнью души в общении с божественной волей и всемирным порядком. Благочестие есть ежедневное освежение идеала, возвращение к равновесию нашего внутреннего существа, колеблемого, смущаемого, раздражаемого ежедневными случайностями жизни.

Молитва есть духовный бальзам, который возвращает нам мир и мужество

Молитва есть духовный бальзам, драгоценное крепительное лекарство, которое возвращает нам мир и мужество. Она напоминает нам прощение и долг, она говорит нам: Ты любим, люби; ты получил, давай; ты должен умереть, делай свое дело; побеждай гнев великодушием, зло – добром. Что нужды до слепого мнения, до ложного суждения о тебе, до испытанных тобой неблагодарностей? Ты не обязан ни следовать пошлым примерам, ни иметь успеха. Делай, что должно, пусть будет, что будет. Твой свидетель – твоя совесть, а твоя совесть – это Бог, который говорит тебе.

Учение равенства уравнивает дарвинизм: волк держит на расстоянии другого волка

3 марта 1879 г. Учение равенства уравнивает дарвинизм, подобно тому как волк держит на почтительном расстоянии другого волка. Но оба чужды долгу. Учение равенства утверждает право не быть съеденным своим ближним, дарвинизм констатирует факт, что сильные поедают слабых и прибавляет: тем лучше. Ни тот, ни другой не сознают ни любви, ни братства, ни

доброты, ни благочестия, ни добровольной покорности, ни самоотречения.

Все силы действуют в мире одновременно

Все силы и все принципы действуют одновременно в мире. Их равнодействующая скорее добро, чем зло. Но война безобразна, потому что она расшатывает все истины и вводит в бой заблуждения против заблуждений, партии против партий, то есть половинки существ, одних уродов против других. Эстетическая натура не уживается с этим зрелищем, она хочет внимать гармонии, а не всегдашнему скрипению диссонанса. Нельзя допустить это условие существования человеческих обществ: шум, ненависть, обман, преступление, дикость интересов, упорство пред-рассудков; но философ вздыхает об этом и не может полагать в этом своего сердца; ему нужно смотреть с высоты на истории и слышать часто музыку вечных сфер.

Мораль в сахаре принимают охотно, но, возможно, ее принимают только из-за сахара

15 марта 1879 г. Я перелистываю «Историю моего крестного» сочинения Сталь, и несколько глав «Наши сыновья и наши дочери» сочинения Легувэ. Эти писатели ставят ум, грацию, веселость и приятность на сторону добрых нравов; они хотят показать, что добродетель не так уж пресна и здравый смысл не так уж скучен. Это убедительные моралисты и пленительные рассказчики; они возбуждают аппетит к добру. Эта привлекательность имеет, однако, свою опасность. Мораль в сахаре, конечно, принимается охотно, но нельзя не бояться, что ее принимают только из-за сахара. Сибариты переносят проповедь, если она настолько утонченна, что льстит их литературной чувствительности; но прельщен только их вкус, совесть же не пробуждается; основание их поведения не затронуто.

Долг требует повиновения, учение – прилежания, игра – доброго расположения духа

Веселить, просвещать, поучать суть различные роды, которые, конечно, можно смешивать и соединять, но которые нужно уметь разделять, чтобы произвести реальное и искреннее действие. Ребенок со здравым умом не любит вообще смесей, в которых есть хитрость и обман. Долг требует повиновения, учение требует прилежания, игра требует только доброго расположения духа. Обращать повиновение и прилежание в приятную игру – это значит ослаблять волю и ум. Эти усилия сделать добродетель модой похвальны, но если они и делают честь писателям, то доказывают нравственную анемию общества. Неиспорченным желудкам не нужно столько ухищрений, чтобы вызвать в них вкус к хлебу.

К поэтическим впечатлениям присоединяются впечатления и религиозные, и исторические

22 мая 1879 г. (Вознесение). Звон всех колоколов. Наступает время церковной службы. К живописным музыкальным и поэтическим впечатлениям присоеди-

няются впечатления исторические и религиозные. Все народы христианства, все церкви, распределенные вокруг нашей планеты, празднуют прославление Распятого.

Все нации имеют свои благочестивые даты

А что делают в эту минуту столько наций, которые имеют других пророков и иначе чувствуют божество? Что делают евреи, мусульмане, буддисты, вишнуисты, гебры? Они имеют другие благочестивые даты, другие обряды, другие торжества, другие верования. Но все имеют религию, все дают жизни идеал и желают, чтобы человек возвышался над несчастьями и мелочами настоящего эгоистического существования. Все веруют во что-нибудь более великое, чем они сами, все молятся, все смиряются, все обожают.

Все видят по ту сторону природы – Дух

Все видят по ту сторону природы – Дух, по ту сторону зла – добро. Все свидетельствуют о Невидимом. В этом-то братство всех народов. Все люди – существа воздыхания и желания, беспокойства и надежды. Все хотели бы привести себя в согласие со всеобщим порядком и чувствовать себя одобренными и благословенными Творцом Вселенной. Все знают страдание и желают счастья. Все знают грех и просят прощения.

Христианство дало людям новую силу для достижения высшей нравственности

Христианство в его первоначальной простоте есть примирение грешника с Богом чрез уверенность в том, что Бог все-таки любит нас и наказует только любя. Христианство дало людям новый двигатель и новую силу для достижения высшей нравственности, оно привлекало людей к святости, сблизив ее с сыновней благодарностью.

Бытие несовершенно, небытие совершенно

9 сентября 1879 г. Небытие совершенно, бытие несовершенно; этот поразительный софизм становится прекрасным только в платонизме, потому что небытие заменится там Идеей, которая существует и которая Божественна.

Идеал, химера, пустота не должны стоять так высоко над реальным

Идеал, химера, пустота не должны стоять так высоко над реальным, которое имеет несравненное преимущество существования. Идеал убивает наслаждение и довольство, заставляя унижать настоящее и действительное. Его голос говорит: нет, как и Мефистофель. Нет, ты не достиг того, к чему стремился; нет, ты не найдешь покоя; все то, что ты видишь, все то, что ты делаешь, недостаточно, незначительно, переделано, недоделано, несовершенно. Жажда идеала есть бич Сивы, который ускоряет жизнь только для того, чтобы ускорить смерть. Это неизлечимое желание составляет страдание личности и прогресс рода. Оно убивает счастье ради достоинства.

Порядок возвращает
к равновесию

Единственное положительное благо – это порядок, следовательно, возвращение к порядку, возвращение к равновесию. Мысль дурна без действия, и действие без мысли. Идеал – это яд, если он не осуществляется в действительности; и действительность портится без благоухания идеала. Ничто частное не хорошо без своего дополнения и без своей противоположности. Изучение себя опасно, если оно преобладает над расходом своих сил; мечтание вредно, когда оно усыпляет волю; кротость дурна, когда она отнимает силу; созерцание губительно, когда оно разрушает характер.

Излишество и недостаток
одинаково грешат
против мудрости

Излишество и недостаток одинаково грешат против мудрости. Крайность – зло, апатия – другое зло. Энергия в умеренности – в этом долг; прелесть в тишине – в этом счастье. Подобно тому как жизнь дана нам на время, на несколько лет и мы не владеем ею, также и добро, которое есть в нас, не принадлежит нам. Вовсе не трудно рассматривать себя с таким внутренним отречением от себя; для этого достаточно немного знания самого себя, некоторого постижения идеала и немного религии. Есть даже много прелести в той мысли, что мы ничто сами по себе и что нам, однако, даровано призывать друг друга к жизни, к радости, к поэзии, к святости.

Два направления,
две морали, два
мира, два идеала

Закон иронии: Зенон, хотя и фаталист в теории, делает своих учеников героями; Эпикур же, напротив, утверждая свободу, делает своих учеников беспечными и изнеженными. Направление дает только идеал; идеал стоический – это долг, идеал эпикурейский – расчет. Два направления, две морали, два мира. Также яansenиты, а перед ними великие реформаторы стояли за несвободную волю, а иезуиты – за свободу, и, однако, первые основали свободу, вторые – рабство совести. Таким образом, важен не теоретический принцип; существенное – это скрытое направление, стремление, цель.

Созерцание
позволяет
проникнуть в суть
явлений

В каком возрасте видишь всего вернее? Это должно быть в старости, перед физическими немощами, которые ослабляют или делают мрачным. Древние имели правильную точку зрения. Старец, добрый и бескорыстный, созерцает, а созерцание и есть то, вследствие чего мы, наблюдая вещи в их относительном и пропорциональном значении, должны видеть их лучше всего.

Сладость часов
безмолвного
сосредоточения

2 января 1880 г. Чувство отдыха, даже успокоения. Тишина в доме и вне его. Огонек в камине – общее благосостояние. Портрет моей матери как будто улыбается мне; тишина этого утра не смущает, но радует меня. Как ты велика, прелесть чувств, – что может сравниться со сладостью этих часов безмолвного сосредоточения...

Неподвижное
сосредоточение,
божественное
спокойствие

Желанья и страх, грусть и злоба не существуют... Это счастье, как понимают его восточные люди, блаженство анахоретов, которые не борются уже, ничего не желают, обожают и наслаждаются. Не знаешь, какими словами выразить это нравственное состояние, потому что наши языки, знающие только частные и местные вибрации жизни, неспособны выразить это неподвижное сосредоточение, это божественное спокойствие, это состояние затихшего океана, который отражает небо и вместе с тем обладает сам собою, во всей своей глубине...

Душа может
перестать
чувствовать свою
индивидуальность

Душа сознает себя только душой и перестает чувствовать свою индивидуальность, свою отделенность. Она чувствует себя чем-то ощущающим всемирную жизнь, становится одной из чувствительных точек божества. Она ничего не присвоит себе и не чувствует пустоты... Это состояние, соединяющее радости бытия и небытия, состояние, которое не есть ни размышление, ни воля, но которое выше нравственного и интеллектуального существования, которое составляет возвращение к единству... один из желательных видов нирваны.

Для американцев
жизнь есть
пожирающая,
непрестанная
деятельность

Несомненно, что люди Запада, и в особенности американцы, чувствуют иначе. Для них жизнь есть пожирающая, непрестанная деятельность. Им нужно завоевывать золото, власть, могущество, давить людей, подчинять природу. Они упорствуют в приобретении средств и ни минуты не думают о цели. Они смешивают бытие с личным существованием и расширение этой жизни с счастьем. Это значит, что они не живут душой, они не знают неподвижного и вечного, они бьются на периферии, потому что они не могут проникнуть до оси своего существования. Они беспокойны, пылки, положительны, потому что они поверхностны. Зачем столько суматохи, шума, алчности и борьбы? Все это только одурманение себя. Неужели на одре смерти они не замечают этого? А если да, то отчего не замечают они этого раньше? Деятельность хороша только тогда, когда она свята, то есть направлена на то, чтоечно.

(Окончание следует)
